

2) «Юйвэнь сюэси» («Языковая учеба») — общественный ежемесячный журнал широкого профиля. Его основная цель заключается в популяризации теоретических вопросов языкознания, в сообщении читателям элементарных сведений по грамматике и стилистике, в оказании практической помощи молодым авторам. Выходит с октября 1951 г. В журнале сотрудничают лингвисты, педагоги, писатели. Журнал имеет, несомненно, живую связь с читательской массой. Характерно, что первый номер этого журнала пришлось в течение двух месяцев выпустить в трех изданиях, — так велик был на него спрос.

3) «Юйвэнь цзясюэ» («Преподавание языка») — ежемесячный журнал по вопросам методики и педагогики. В апреле 1952 г. вышел девятый номер журнала. С этим органом нам пока, к сожалению, не удалось познакомиться⁸⁰.

*

Вышеприведенный обзор, конечно, не охватывает всей работы, которая была проделана китайскими языковедами в 1952 г. Тем не менее даже он свидетельствует о большой и плодотворной деятельности наших китайских друзей. Пожелаем же им новых успехов в их работе. Для себя же пожелаем тесного научного контакта с китайскими языковедами.

И. М. Ошанин

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

1

Почти сорок лет, с 1910 г., Корея находилась под жесточайшим гнетом японских империалистов, которые, следуя своей колонизаторской политике японизации, всеми мерами стремились ассимилировать корейцев, насильно навязывая им японский язык. Одновременно с этим они всячески поощряли своих реакционных ученых издавать работы, якобы доказывающие общность происхождения японцев и корейцев, чтобы таким путем подвести «историческую базу» для политики ассимиляции.

Проводником политики японизации корейцев являлась школа. Недаром японские империалисты, столь скупые на расходы по народному образованию, в Корее открыли довольно большое количество школ, охватив начальным образованием до 40% корейских детей — цифра для колонии, несомненно, внушительная. Все преподавание в этих школах велось на японском языке.

Таким образом, японский язык навязывался корейцам с детских лет и становился общеобязательным языком, корейский же язык был сведен до пределов узкого бытового общения. Как свидетельствует председатель Общества изучения корейского языка и письменности Ли Гын Но¹, дело доходило до того, что японские учителя наказывали корейских детей, учеников начальной школы, за произнесение хотя бы одного корейского слова в школе. Такой системой насильственного обучения японскому языку японские империалисты, конечно, не смогли заставить народ забыть свою родную речь, ибо «нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции»². Всё же этим японские колонизаторы несколько затормозили развитие корейского языка как языка национального.

Для оценки положения с общенародным языком в Корее к началу XX в. необходимо знать следующее. Вплоть до конца XIX в. официальным языком государственного управления в Корее был язык китайский. Он стал проникать в Корею очень давно, — с того времени, как появились там китайцы. Трудно говорить о точном времени начала этого проникновения, но во всяком случае уже в 108 г. до н. э., т. е. в эпоху Ханьской империи, часть северной половины полуострова была частично заселена китайцами и даже вошла на некоторое время в состав китайского государства.

Большую роль в распространении китайского языка в Корее сыграл буддизм, занесенный в Корею в конце IV в. н. э. из Китая. Проповедниками буддизма были китайцы; буддийская литература, богослужебные книги пришли в Корею в китайских переводах. Естественно, что распространение буддизма повлекло за собой и распространение китайского языка; его должны были знать представители нарождающегося корейского буддийского духовенства, его усвоила и часть обращаемых, конечно, из верхушки общества того времени, для которой принятие буддизма означало вместе с тем и приобретение образованности. И это в действительности так и было, поскольку вместе с буддизмом в Корею шла и светская китайская образованность — в виде ки-

⁸⁰ По имеющимся сведениям, издание этого журнала в 1952 г. прекращено.

¹ См. журн. «Чосон'о ёнгу», Пхеньян, 1949, № 1, стр. 2—3.

² И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 347.

тайской политической, историографической, юридической и философской литературы; знание китайского языка открывало корейцам и китайскую художественную литературу. В связи с этим китайский язык утвердился в верхушечных слоях корейского общества как язык образованности и культуры. Он стал и языком правительственного аппарата.

Огромное влияние Китая, наблюдавшееся во всех областях жизни страны в течение всего последующего времени, неуклонно укрепляло эту позицию китайского языка и расширяло сферу его действия. Китайский язык стал не только языком законов, указов и т. п., но и языком историографии, политических, экономических и философских сочинений. Появилась на китайском языке и поэзия — книжная поэзия образованных на китайский лад корейских литераторов. Короче говоря, роль китайского языка в средневековой Корее, в среде господствующего класса — корейских феодалов, формировавшегося из его представителей чиновничества, а также его ученого слоя — историков, философов, публицистов, литераторов, была аналогична роли латинского языка в средневековой Западной Европе.

Однако это отнюдь не означало, что китайский язык стал обиходным языком указанного слоя населения, что на нем говорили. Конечно, некоторая часть чиновничества умела и говорить по-китайски; это нужно было для сношения с китайцами. Но в целом китайский язык был только языком книжной образованности, языком письменности, утратившим связь с живой китайской речью. И этот отрыв от живой речи усугублялся еще тем, что корейские литераторы обычно пользовались формами столь же оторванного от живой разговорной стихии китайского книжного литературного языка. Больше того, корейские литераторы даже написанное на китайском языке читали не по-китайски, а по-корейски. Но читать китайский текст по-корейски — это значит читать, переводя его на корейский. Так оно и было: всякое чтение китайского текста было фактически переводом, который требовал знания строя как корейского, так и китайского книжного языка.

В связи с этим шел процесс приспособления китайской письменности к пуждам корейского языка. Один из современных корейских языковедов Чон Мон Су в своей статье, напечатанной в 1949 г.³, установил несколько этапов в истории этого приспособления, предшествующих изобретению собственного фонетического алфавита. Первым этапом было фонетическое использование китайских иероглифов для обозначения в тексте, написанном на китайском языке, корейских собственных имен и географических названий. Вторым этапом было добавление в китайский текст иероглифов, используемых как знаки фонетической азбуки, для обозначения служебных слов и частиц корейского языка, причем нарушался и синтаксический порядок слов китайского предложения согласно нормам корейского синтаксиса. Следующим этапом было появление так называемого *иду* — системы силлабических знаков, служащих для транскрипционных целей. Корейская традиция приписывала изобретение *иду* Соль Чхону, датируя это изобретение 692 г. н. э. Чон Мон Су датирует появление *иду* рубежом V—VI вв., причем объясняет его происхождение иначе. Он считает, что *иду* являлось общим названием письменных знаков, служащих для записи служебных слов, частиц и грамматических аффиксов корейского языка при толковом чтении текстов, написанных по-китайски. Как показывает само название *иду*⁴, система этих знаков была письменностью канцелярий, а не только системой транскрипционных знаков для облегчения чтения китайских текстов.

Таким путем образовался запас иероглифических знаков, за которыми уже не видели никакого смыслового значения и которые рассматривали как чисто фонетические знаки, знаки силлабической азбуки. Наличие этих знаков облегчало корейское чтение написанных по-китайски текстов: корейцы произносили китайские слова, но эти слова они, во-первых, расставляли при чтении в том порядке, в каком этого требовала конструкция корейской, а не китайской фразы, во-вторых, склоняли и спрягали эти китайские слова по образцу слов своего языка; служебные же слова либо опускали, если их сочетание со знаменательным словом в китайском языке соответствовало грамматической форме этого слова в корейском языке, либо, — когда этого не было, — заменяли китайские служебные слова своими. Создавался, таким образом, особый переводческий «жаргон», в котором была широко представлена китайская лексика.

Постепенно китайские слова из книжного текста перекочевывали в школьный жаргон обучавшихся *ханмун'у* (китайской письменности). Самые необходимые из этих слов, обозначающие те понятия, для которых в корейском языке своих слов не было, удерживались в нем и переносились в жаргон чиновничества вообще. В дальнейшем многие из таких слов выходили за рамки этого жаргона и поступали в общенародный язык, тем самым обогащая его словарный состав, становясь словами уже не китайского, а корейского языка, тем более, что они не только склонялись и спря-

³ Чон Мон Су, Исторический анализ корейской письменности, журн. «Ёкса чо мундже», Пхеньян, 1949: №12, стр. 88—105; № 14, стр. 71—90.

⁴ И — мелкий чиновник, приказный, подьячий; ду — чтение, толкование.

гались по нормам корейской грамматики, но и звучали по-корейски, поскольку корейцы произносили их по нормам своей фонетической системы.

На этой основе образовался впоследствии в феодальной Корее корейский литературный язык. Этот язык был книжным: в нем застывали те грамматические формы, которые в разговорном языке уже заменялись другими; он был книжным и по лексике, так как в нем фигурировала масса книжных слов, не ставших еще достоянием общенародного языка. На этом книжном языке создавалась своя литература — такого же типа, как и указанная китайская, доступная только образованной части господствующего класса, его интеллигенции.

Около середины XV в. было создано корейское письмо, бывшее уже не иероглифическим, а фонетическим. Это было письмо буквенное, т. е. каждый звук языка имел в нем свой графический символ; но оно было вместе с тем и письмом слоговым, поскольку слова писались расчлененно по слогам, т. е. буквы для каждого звука графически соединялись в одно целое, соответствующее слогу. Это корейское письмо получило название *хунмин-чжонгым*. Именно этим письмом и стали пользоваться, соединяя его с иероглифическим. Получалось смешанное письмо, при пользовании которым иероглифами писали все основные знаменательные слова в их исходной форме, буквами же писали грамматические окончания этих слов, а также часто местоимения, наречия, служебные слова.

Однако в 1504 г. корейский алфавит *хунмин-чжонгым* был запрещен королем Ён Сан Гуном. Причина этого запрещения крылась в политической борьбе различных группировок правящего класса. Начиная с XV в. в Корее наступает расцвет конфуцианства как государственной идеологии. Короли обретают в конфуцианстве идеологическое оружие для укрепления своей власти. Чтобы закрепить конфуцианскую идеологию в народных массах, короли первоначально использовали вновь изобретенную корейскую письменность для издания конфуцианских книг двойным текстом: на китайском языке с переводом на корейский язык, написанном знаками корейского письма. Однако на народные массы несравненно большее влияние имел буддизм — религия, быстро ассимилировавшая древние народные верования. Буддийские монахи, бывшие некогда проводниками китайского языка, культуры и письменности, быстро ушли преимущественно корейской письменности перед китайской в силу доступности ее для широких народных масс. Для усиления своего влияния на народные массы они переводили буддийские канонические книги на корейский язык без иероглифического текста. Группировки феодалов, борющихся с усилением королевской власти, стремились использовать в качестве оружия буддизм. Появились памфлеты, направленные против королевской власти, написанные на корейском языке фонетическим алфавитом. В связи с этим и был издан указ, запрещавший пользование данным алфавитом под страхом смертной казни. Повидимому, с этого времени алфавит потерял прежнее свое название *хунмин-чжонгым* «правильные звуки для чтения народом» и стал называться *онмун* «вульгарная письменность», как противоположность *ханмуну* «китайской письменности». В процессе этой борьбы правительство сжигало буддийские монастыри и их книгохранилища, но буддийские монахи убежали в горы, уносили с собой книги, написанные по-корейски, на корейском алфавите, и передавали корейскую письменность из поколения в поколение, сыграв тем самым положительную роль в деле сохранения этой письменности.

Запретив *онмун* как систему письменности, правительство оставило его как систему транскрипционных знаков для передачи звуков иностранных языков. Поэтому *онмун* сохранялся в Переводческом приказе, в котором составляли руководства и пособия по иностранному языку. В таком положении корейская письменность находилась в течение трех с лишним веков. Она стала достоянием женской среды, как единственная форма письменности, доступная женщинам, не получавшим китайского образования. *Онмун* в просторечии стал именоваться «женской грамотой» в отличие от китайской письменности *ханмуна*, именовавшегося «мужским письмом». Проникая в народную толщу, *онмун* стал единственным средством для письменной передачи живого разговорного языка.

Этот общенародный язык имел также и свою литературу. Это была литература повествовательная — сказка, рассказ, повесть на бытовые и исторические сюжеты, часто — с примесью фантастики; это были народная поэзия и народный эпический сказ. Иначе говоря, это было как раз то, что не допускалось в «высокую» прозу и поэзию книжной литературы — как в Корее, так и в Китае. Но именно в этой народной литературе и жил своей полной и сложной жизнью общенародный корейский язык.

С течением времени обе указанные языковые линии сближались. С одной стороны, в книжный литературный язык все в большей и большей степени проникали живые грамматические формы, заменяя собою устаревшие; на место книжных слов, заимствованных из китайского, все в большей и большей мере входили разговорные корейские слова. Китайская книжная лексика в основе закрепилась только в том слое словарного состава корейского языка, который образовал общественно-политическую, экономическую, юридическую и философскую терминологию. С другой стороны, в общенародный язык проникали те восходящие к китайским корням первоначально книжные

слова, которые были нужны усложняющейся жизни, растущей культуре, которые обогащали развивающийся словарный состав корейского языка. Но все же демаркационная линия оставалась: старый литературный язык продолжал сохранять свой книжный облик; этим была обусловлена и сфера его применения: он господствовал в публицистике, в науке. Живой разговорный язык жил в художественной литературе. Соответственно этому сохранялась и специфика письменного выражения: газеты, журналы, научные работы писались смешанным иероглифически-буквенным письмом; роман, рассказ — буквенным. В самом конце XIX в., в 1895 г., рядом с китайским языком как языком официального государственного обихода было разрешено применять в официальной документации и книжный литературный корейский язык.

В такой обстановке корейскому общенародному языку пришлось вступить на путь завоевания себе положения языка нации. Это завоевание было затруднено еще тем, что чрезвычайно медленно шло развитие самой нации. Корейская нация, как нация, развившаяся «... в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала её»⁵, к XX в. не сложилась и не могла сложиться, поскольку «... не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные дотепе части этого народа в одно национальное целое»⁶. В Корее капиталистические отношения начали оформляться только к концу XIX в., но уже в начале XX в. империалистическая Япония превратила Корею в свою колонию, подчинила ее своей капиталистической системе и навязала корейцам японский язык, объявив его в Корее государственным языком. Тем самым путь развития корейского национального языка стал еще более трудным. И все же это развитие, хотя и замедленным темпом, продолжалось.

Еще в конце XIX и начале XX в. передовые, патриотически настроенные ученые Кореи повели борьбу за утверждение корейского языка во всей литературе. Начало этой борьбе положил Чу Си Гён (1876—1914), настаивавший на необходимости введения корейского языка в качестве языка государственного. Чу Си Гён оставил целый ряд работ по описанию системы корейского языка⁷. Много труда к грамматическому кодифицированию общенародного корейского языка приложил виднейший современный корейский языковед Ким Ду Бон, выступивший еще в 1916 г. за новую разработку корейской грамматики и в своих публичных выступлениях популяризовавший общенародный корейский язык. Его труд «Грамматика корейского языка»⁸, изданный в 1916 г., получил широкую известность в кругах корейской интеллигенции. В 1923 г. Ким Ду Бон, находившийся тогда в эмиграции в Шанхае, с большими трудностями издал переработанную им и дополненную грамматику корейского языка⁹.

Корейским ученым-языковедам при господстве японских империалистов приходилось вести свою работу в очень трудных условиях. Они составляли грамматики и словари корейского языка и издавали их на собственные средства или на средства, тайно собранные корейской общественностью. Ким Ду Бону, когда он издавал свою грамматику в Шанхае, приходилось даже самому вставать за наборную кассу для того, чтобы иметь возможность напечатать свой труд. Некоторые из таких борцов за свой родной язык погибали в японских тюрьмах.

В декабре 1921 г. в Сеуле было организовано Общество изучения корейского языка (Чосон'о ёнгухё). Через десять лет, в январе 1931 г., оно было переименовано в Научное общество корейского языка (Чосон'о хакхё). Общество поставило своей задачей разработать нормы корейского общелитературного языка на основе сеульского диалекта, закрепить его во всей литературе и, таким образом, прекратить проникновение диалектных особенностей в литературный язык. Общество выработало проект унификации корейской орфографии, занималось составлением словаря. С целью пропаганды нового корейского литературного языка и внедрения его в массы обществом открывались школы-передвижки. В 1943 г. японские власти арестовали 23 члена этого общества и приговорили их к тюремному заключению. Двое из них умерло в тюрьме, не дождавсь освобождения.

Пытаясь воспрепятствовать развитию корейского национального литературного языка, японские власти организовали в 1934 г. свое Общество упорядочения корей-

⁵ П. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 335—336.

⁶ Там же, стр. 336.

⁷ «Кук'о оа куньмун'ый пхильё» («Необходимость родного языка и письменности»), Сеул, 1907; «Чосон'о мунжон ёмхак» («Фонетика корейского языка»), Сеул, 1908; «Чосон'о мунпю» («Грамматика корейского языка»), Сеул, 1909; «Марый сори» («Звуки речи»), Сеул, 1914.

⁸ «Чосон мальбон» («Грамматика корейского языка»), Сеул, 1916.

⁹ «Кипго чосон'о мальбон» («Полноценная грамматика корейского языка»), Шанхай, 1923. Этим были заложены основы научной разработки грамматики корейского общенародного языка.

ской письменности (Чосонмун чонни кихсахё), через которое старались проводить политику ассимиляции. Таким образом, на языковом фронте шла упорная борьба за корейский национальный язык и в этой борьбе закладывались основы закрепления его в литературе. Однако условия колониального угнетения не дали полной возможности развития общенародного языка до степени национального. Таково было положение корейского языка до освобождения Кореи от японского ига доблестной Советской Армией в августе 1945 г.

2

Перед народно-демократической Кореей встали в области языка трудные и обширные задачи. Нужно было развивать национальную культуру, насаждать широкую сеть общеобразовательных школ, политических школ и профессионально-технических курсов для подготовки необходимых кадров. В школах и на курсах нужно было организовать преподавание на родном языке. Требовалось издавать газеты, журналы и прочую литературу, создавать библиотеки, клубы, театры, кино, где звучала бы родная речь, понятная массам. Нужно было прежде всего разработать литературную норму своего языка, кодифицировать его грамматические правила. За эту работу деятели просвещения и принялись, продолжив тем самым труды своих предшественников, положивших начало этой кодификации и принявших за основу сеульский диалект.

С июня 1949 г. пресса на Севере Кореи перешла на фонетическое письмо, отказавшись от иероглифики. Для того чтобы читать корейскую газету, написанную иероглифическими знаками, нужно было знать тысячи три иероглифов; корейский же алфавит состоял всего из 24 знаков: 14 — для согласных звуков и 10 — для гласных. Преподавание в школах родного корейского языка с самого же начала тоже было переведено на основу корейской фонетической письменности. Переход на буквенное письмо, открывший перед широкими массами небывалые возможности в области просвещения и самообразования, потребовал большой работы по нормализации словарного состава, грамматической кодификации национального языка и выработки нормативной орфографии.

*

Одним из важнейших вопросов, вставших перед корейскими языковедами, оказалась работа по словарному составу языка. Первым шагом на пути решения этого вопроса была работа по составлению толкового словаря родного языка. В процессе этой работы перед корейскими лексикологами и лексикографами возникли три задачи: 1) выявить по возможности все лексическое богатство корейского языка, т. е. собрать максимально возможное количество слов и объяснить их; 2) учесть, зафиксировать и ввести в словарь многочисленные новые слова и выражения, появившиеся в последние годы; 3) очистить современный корейский язык от ненужных, устаревших слов. Это были задачи описания и нормализации словарного состава современного корейского языка. На выполнение этих задач и была направлена развернувшаяся интенсивная работа по составлению толкового словаря.

В период национально-освободительного движения в колониальной Корее наметились пуристские тенденции — исключить из языка всю лексику, заимствованную из китайского языка или созданную из его корней, и заменить ее корейскими словами или искусственными неологизмами, составленными из корейских корней. Например, вместо усвоенного и всем понятного китайского слова, в корейском произношении звучащего *хаккё* «школа», предлагали новое искусственное слово *пэумчип* (*пэум* «учеба» от *пэуда* «учиться»; *чип* «дом»), т. е. «учебный дом»; соответственно этому вместо давно усвоенного китайского слова, звучащего в корейском произношении *тэхаж* «университет», хотели ввести искусственное слово *кхынбэгот*, буквально: «большое учебное место». Но такие «китайские» слова уже очень давно потеряли свой китайский облик и были освоены корейским языком в их корейзированном звучании. Лексика, перешедшая в корейский язык из китайского или составленная из китайских корней, является достоянием словарного состава корейского языка.

Толковый словарь корейского языка должен, с одной стороны, показать весь активный словарный состав языка, в том числе и те его слова, которые связаны с китайскими корнями; но, с другой стороны, он должен и освободить корейский язык от излишней китайской лексики, оставшейся в наследство от феодализма. Так, например, одному корейскому слову *абочжи* «отец» соответствует множество китайских слов тоже со значением «отец», отражающее существовавшую в эпоху феодализма иерархичность: *пучу* «отец» (в обращении сына к отцу); *пучжин* «мой отец» (при обращении к другу); *омчжин* «мой отец» (при обращении к равному по социальному положению); *качжин* «мой отец» (при обращении к высшему); *чхунбучжан* «ваш отец» (при обращении к равному); *чхундан* «ваш отец» (при обращении к стоящему несколько ниже по социальному рангу); *чхунчжан* «ваш отец» (официально); *тэин* «твой отец» (при обращении к низшему); *сонджин* «ваш (и его) покойный отец»; *сонго* «мой покойный отец»; *сончжин* «мой покойный отец» (при обращении к высшему). Именно такая лексика и подлежит пересмотру и всемерному сокращению.

Важной задачей толкового словаря является фиксация новых слов, вошедших в корейский язык в последнее время. Особенно много таких слов появилось в языке после освобождения Кореи доблестной Советской Армией в связи с массовыми переводами на корейский язык советской литературы. Произошло также и переосмысление многих старых корейских слов. До нас не дошел еще толковый словарь корейского языка, и мы не можем судить, в какой степени решены в нем эти две главные задачи.

Составители словаря поставили перед собой огромную задачу — охватить лексику корейского языка за все время его существования в той мере, конечно, в какой он нашел свое отражение в различных письменных памятниках. Об этой задаче можно судить по разделу журнала «Чосон'о ёнгу», озаглавленному «Материалы», в котором из номера в номер печатаются «Толкования старого языка». Эти «Толкования» являются подготовительной работой к составлению словаря. В них приводятся слова, извлеченные из старинных письменных памятников, и дается их объяснение. В данном разделе собираются и слова чисто корейского корня, не вошедшие в ранее составленные словари корейского языка. Также слова выбирают из старинных сборников песен и фольклорных собраний, а также и из современной художественной литературы.

В журнале «Чосон'о ёнгу» помещена статья Ким Бён Чже, информирующая об организации работы над словарем¹⁰. Составить словарь объемом в 100 тыс. слов в короткий срок — задача непосильная для небольшой группы составителей. Поэтому Обществом изучения корейского языка и письменности была организована лишь главная редакция, вся же работа по выполнению отдельных разделов словаря была распределена между высшими учебными заведениями страны во главе с Университетом им. Ким Ир Сена, причем каждый институт работал над лексикой своей специальности. Материал же по народным говорам доставлялся самим народом — жителями различных районов страны. С этой целью в журнале «Чосон'о ёнгу» был введен специальный раздел — «Страница читателей». На этой «Странице» читатели делают с редакцией журнала своими наблюдениями над народным языком разных районов страны, сообщая списки диалектизмов с их толкованием, местные народные географические названия, народные песни, записанные самими читателями. Это дало возможность в короткий срок собрать очень большой нужный и свежий материал.

*

Огромное значение для современного корейского языка имеет также и разработка вопросов грамматики. В этой области уже раньше были известны труды корейских языковедов — Чу Син Гёна, Ким Ду Бона и других, которые создавали грамматику корейского языка на основе общенародного языка. Без той работы по описанию фонетики, грамматики, стилистики корейского языка, которую проделало это поколение корейских языковедов, было бы чрезвычайно трудно вести работу в области языка в народно-демократической Корее. Для руководства всей этой работой и направления ее в определенное русло необходимо было создать авторитетную организацию из корейских языковедов. В июле 1946 г. при поддержке Департамента просвещения было организовано уже упоминавшееся выше корейское языковедческое Общество изучения корейского языка и письменности (Чосон омул ёнгухё). В феврале 1947 г. это общество по постановлению Временного народного комитета Северной Кореи было реорганизовано, и главное его руководство было сосредоточено при Университете им. Ким Ир Сена. Задачами общества были: составление нормативной грамматики корейского языка, выработка правил орфографии, подготовка перехода с вертикального на горизонтальное письмо, упорядочение применения иероглифического письма. Обществом был разработан проект новой орфографии.

С октября 1948 г., в связи с провозглашением Кореи народно-демократической республикой и образованием единого демократического правительства, указанное общество перешло в ведение Министерства просвещения. В этом обществе сосредоточены все виднейшие корейские лингвисты как Севера, так и Юга, во главе с Ким Ду Бонем и Ли Гын Но. Задачи, поставленные правительством перед обществом, расширились. Правительство постановило в октябре 1948 г. издать нормативную грамматику корейского языка, а к концу 1949 г. подготовить к изданию толковый словарь корейского языка в 100 тыс. слов. Кроме того, было намечено издание специального языковедческого журнала и других печатных изданий, в том числе фонетических таблиц корейского языка, составленных Ли Гын Но.

Для выполнения задания правительства по составлению нормативной грамматики в научно-исследовательском комитете Общества изучения корейского языка и письменности была создана специальная грамматическая комиссия под председательством Чон Мон Су (павшего в 1951 г. смертью храбрых в борьбе с американскими империалистами за свободу и независимость Родины). В начале сентября 1949 г. была составле-

¹⁰ Ким Бён Чже, Культурное значение составления словаря корейского языка, «Чосон'о ёнгу», Пхеньян, 1949, № 3, стр. 67—74.

на первая редакция грамматики. После всестороннего обсуждения ее на общем собрании научно-исследовательского комитета общества она была одобрена и принята к изданию.

Составители грамматики так определяют стоявшие перед ними задачи и характер проделанной работы: «Поскольку данная грамматика является результатом нашего стремления прочнее унифицировать и развить наш собственный язык и письменность... мы старались использовать все положительное наследие прошлого, оставшееся нам от предшествующих ученых, а также широко использовать результаты передовой лингвистической науки и, кроме того, в изложении объединить теорию и практику языка. Хотя мы разделили, согласно традиционному принципу, содержание грамматики на три раздела: фонетику, морфологию и синтаксис, но мы обратили внимание на взаимосвязь этих трех разделов и отдаем преимущество синтаксису перед морфологией, а морфологии перед фонетикой.

В результате всего изложенного получились немалые изменения по сравнению с прежними грамматиками в отношении разных вопросов, как то: письменности, орфографии, частей речи, грамматических категорий и состава предложения. Расхождения эти являются результатом глубокого анализа фонетической системы и морфологического строя корейского языка. В связи с этим в будущем появляется возможность всякие явления корейского языка толковать на основе общего языкознания¹¹.

Объем настоящей статьи не позволяет нам дать полный разбор указанной «Грамматики корейского языка». Остановимся только на некоторых основных моментах. Нормативная грамматика составлена согласно традиционной схеме. Она состоит из трех основных частей: фонетики, морфологии и синтаксиса.

Фонетика начинается с описания органов речи и звукового строя, затем следует классификация звуков и описание передачи их в письме. Далее идет описание слогов, дифтонгов, полугласных, после чего рассматривается вопрос о высоте тона и долготе гласных звуков, затем описываются комбинационные изменения звуков: ассимиляция и диссимиляция. Заканчивается раздел фонетики изложением теории фонемы и правилами орфоэпии.

Вторая часть, морфология, состоит из следующих разделов: структура слова в связи с орфографическими нормами; особый характер аффиксации в корейском языке, основные правила корейской орфографии, правописание начальных, срединных и конечных фонем; основа и окончание, соединение основ, соединительные гласные; чередование фонем при образовании грамматических форм глаголов и прилагательных; правописание конечных согласных; префиксы и суффиксы и их правописание. Затем следуют части речи и их классификация. При описании частей речи строго выдерживается порядок описания для каждой части речи, например: имя существительное, группы существительных, образование существительных, грамматические категории существительных, функции существительных в предложении. В таком же порядке дается описание имени числительного, местоимения, прилагательного, глагола, наречия. Последними в этом разделе описываются служебные слова и междометия.

Третья часть, синтаксис, начинается с общего определения предложения, затем следует описание структуры предложений. Члены предложения — главные и второстепенные — описываются в следующем порядке: подлежащее, сказуемое, определение (приложение), дополнение. Далее идут разделы: порядок слов в предложении; неполные предложения; номинативные предложения; однородные члены предложения; общее понятие о составе предложения с однородными членами; форма соединения однородных членов предложения; слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей: обращение, восклицательные слова, вводные слова и словосочетания; сложное предложение; общее понятие о составе сложного предложения; сочинение и подчинение; типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; прямая и косвенная речь; перевод прямой речи в косвенную. Последней главой этой части является пунктуация.

Перед составителями грамматики была поставлена ответственной задачей — кодифицировать нормы национального литературного языка. С этой задачей составители справились, но, к сожалению, работали они до появления в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, а потому не могли избежать ошибок. Так, в грамматике нет исторического освещения грамматических явлений. Эти явления иллюстрируются примерами только из произведений современных корейских писателей, произведений, изданных лишь за последние 10 лет; грамматика же должна опираться на более обширный материал литературного языка, на литературные произведения различных жанров и за более длительный период времени, чем за последние 10 лет. Самы составители в «Предисловии» указывают, что отдают преимущество синтаксису перед морфологией. Отсюда — некоторая нечеткость установления границ между явлениями морфологии и синтаксиса, вследствие чего учение о слове

¹¹ «Чосон' о мунпоп» («Грамматика корейского языка»), изд. Чосон омур ёнгухё, Пхеньян, 1949, стр. 1—3.

как системе форм с разнообразными значениями и функциями сводится главным образом к учению о функциях слова внутри предложения: в этом нетрудно видеть тот вброд, который был нанесен «новым учением» о языке Н. Я. Марра и молодому корейскому языкознанию. Однако, несмотря на эти недостатки, рассматриваемая грамматика является самой обстоятельной и полной из всех корейских грамматик.

*

Как уже отмечалось выше, пресса на Севере Кореи с июня 1949 г. перешла на корейское фонетическое письмо¹², отказавшись от иероглифики. Поэтому сразу же возник вопрос о том, как писать, чтобы было понятно широким массам.

Корейский письменный язык получил в наследство ряд орфографических навыков, в современном языке уже не имеющих основания. Еще 15 января 1948 г. Общество изучения корейского языка и письменности опубликовало «Новую орфографию корейского языка», основанную на теории Ким Ду Бона, которую он разрабатывал в своих научных исследованиях в течение нескольких десятков лет. Новая орфография корейского языка твердо следует морфологическому принципу, в связи с чем предлагается ряд изменений по сравнению со старой орфографией: в орфографии китайских слов (правописание начальных согласных *p*, *n*); в правописании сложных слов (применение апострофа); в правописании форм спряжения глаголов и прилагательных (добавление новых знаков). Однако реформа орфографии практически еще не осуществлена. Только в некоторых школах Пхеньяна, в порядке опыта, было введено преподавание на основах новой орфографии. Печать в Корейской Народно-Демократической Республике следует правилам орфографии «Проекта унификации правил орфографии корейского национального письма», изданного в Сеуле в 1933 г., но и эта орфография требует коррективов и дополнений. Упорядочение орфографии и стабилизация ее правил остается одним из основных вопросов практического языкознания в Корее.

Как уже указывалось выше, корейское письмо — буквенно-слововое, т. е. слова пишутся раздельно по слогам. Такое письмо читать трудно, да и орфография его затруднительна из-за разнообразия состава слогов. Вследствие этого поставлен вопрос о переходе на буквенное горизонтальное письмо, с тем чтобы писать горизонтальными строчками слева направо, но не по слогам, как в настоящее время, а буквами. Однако осуществление такого перехода затруднено спецификой национального корейского алфавита *кунмун*.

*

Кровопролитнейшая война, навязанная корейскому народу американскими агрессорами, крайне затруднила работу корейских языковедов. От мала до велика поднялся народ Корейской Народно-Демократической Республики на защиту свободы, чести и независимости своей Родины. В ходе этой национально-освободительной войны Трудовая партия Кореи создала мощный культурно-просветительный и политико-воспитательный аппарат, действующий через школу и печать на широчайшие народные массы, поднявшиеся на борьбу за свою национальную независимость. Еще в мирных условиях в Корейской Народно-Демократической Республике была развернута широкая сеть школ ликвидации неграмотности, школ политического просвещения среди народных масс. В этих школах насаждались нормы национально-литературного языка. Во время войны такой грандиозной школой стала корейская Народная армия, в которую приходят бойцы из различных районов страны, говорящие на разных местных диалектах. В рядах армии в ежедневном живом контакте нивелируются диалектные особенности их речи. В ряды армии ушли писатели и языковеды, в армии созданы многочисленные бригады самодеятельности и театральные коллективы, являющиеся проводниками литературного языка. Армейская печать прививает нормы литературного языка составляющим армию народным массам.

Еще на третьем съезде Лиги искусства и литературы Северной Кореи, организованной 25 марта 1946 г., к писателям был обращен призыв создавать произведения на основе передового реализма, отображающего жизнь и борьбу трудящихся масс под лозунгом «Из народных недр». Писатели отравились на заводы и рудники, на крестьянские поля. В созданных после этого произведениях корейские писатели обрабатывают народный язык, «отбирая из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова», тем самым содействуя укреплению и развитию корейского национального литературного языка.

Изучение корейскими языковедами гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания осуществлялось ими в исключительно трудных условиях военного времени. Центральный Комитет Трудовой партии Кореи и правительство Корейской Народно-Демократической Республики позаботились о том, чтобы был сделан

¹² Его старое название *онмун* ныне заменено новым — *кунмун*.

перевод трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и опубликован в центральных органах печати. Таким образом, самые широкие читательские массы получили возможность изучать эти труды, а корейские языковеды получили в руки теоретическую базу для творческого обсуждения языковедческих проблем. Трудно перечислить все те важные вопросы и задачи, которые встают перед корейскими лингвистами в связи с трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, особенно сложные для решения, если учитывать, в каких условиях приходится сейчас жить и работать нашим корейским друзьям. И все же научная жизнь и исследовательская работа как в области теоретического, так и практического языкознания продолжается.

С большим энтузиазмом корейские ученые-языковеды приняли за изучение вопросов корейского языка в свете сталинского учения о языке. Для этого нужно было прежде всего познакомиться с проблемами, поставленными советскими учеными после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина. Ко 2-й годовщине опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Корейским обществом культурной связи с СССР был подготовлен и издан специальный сборник¹³ с переводами Ким Су Гёна статей советских ученых.

В конце сборника помещена статья заведующего кафедрой корейского языка Университета им. Ким Ир Сена — профессора Ким Су Гёна «Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и задачи корейского языкознания»¹⁴.

Статья профессора Ким Су Гёна, подробно разбирая основные положения трудов И. В. Сталина по вопросам языка, намечает очередные задачи, стоящие перед корейским языкознанием в свете сталинского учения о языке как в области теоретических исследований, так и в области практического языкознания. По мнению автора, основными задачами в области теоретического языкознания, стоящими перед корейскими лингвистами, является изучение внутренних законов развития корейского языка, исторической грамматики и исторической лексикологии (которые в свою очередь тесно связаны с исторической фонетикой), исторической диалектологии и лингвистической географии, основного словарного фонда, вопросов словообразования и словарного состава языка, грамматики современного корейского языка, орфографии. Необходимо составление на новых основах словаря корейского языка, а в связи с этим разработка теории составления словарей.

В данное время, по полученным нами сведениям, корейские языковеды уже работают над проблемами истории развития корейского языка, исторической грамматики корейского языка, исторической фонетики, корейской лексикологии и над основными проблемами современного языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.

О. П. Петрова

¹³ «Он'охагэ коанхан И. В. Сталинный рочжак пальхё ичжунён кинён мунхончжип» («Сборник в честь второй годовщины выхода в свет трудов И. В. Сталина, по языкознанию»), Пхеньян, 1952, 356 стр.

¹⁴ «Он'охагый мунчжедырэ коанхан И. В. Сталинный рочжак коа Чосон ов'охагый коаоп», указ. сб., стр. 305—356.